

Моя невероятная страна¹

Краткий конспект школьного курса русской литературы

Памяти Виктора Шкловского

"Кто виноват
В этих странностях был:
Пушкин,
Нужда,
Или что-то другое,
Но тараканов
Я не любил
И не любил я
Покая"

Иосиф Уткин
Милое детство. 1926-1933

"Авраам родил Исаака,
Исаак родил Иакова,
Иаков родил..."

Рифма – дура,
штык – молодец!

Иосиф Виссарионович Суворов²

"Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо" –
развитие мысли
Иосифа Виссарионовича Суворова

Школа моя была на Молдаванке. Я жил на Михайловской, в школу шел по Дальницкой вверх до Степовой и потом по Прохоровской. По пу-

¹ Георгий Иванов

² Александр Дорошенко, следуя Вагричу Бахчаняну, который следовал Даниилу Хармсу, который следовал самому себе.

ти повторял "Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй", заданное на дом учить на память.

Мария Ивановна, наша русская училка,³ была высока, худощава и плоска, как свернутый рулоном блинчик без масла.

Прическу имела в виде "волос, зачесанных назад", и на голове дульку.

Голос имела такой вьедливый, что его невозможно было вынуть из ушей.

На уроках впадала в поэтический экстаз и закатывала глаза.

Когда в моменты этих поэтических откровений класс начинал смеяться, Марьяванна, разлепив глазки, выпирала меня из класса.

Глазки у нее были маленькие, как ржавые буравчики.

Великую русскую литературу я проходил с заднего хода.

На дворе падал снег.

Я садился у раскаленной печи и читал то, что остальные проходили внутри класса. Я изучал это параллельно со всеми, но то ли немислимая высота школьного коридора, то ли печь эта, еще старорежимная, стоявшая здесь колонной античного храма, во всю высоту стены, с чугунной короной по самому верху, или что-то еще, может быть, доносящийся Марьяванн голос, — но вычитывал я в этих текстах иное...

И даже противоположное...

Так Пушкин на старом рисунке читал захавшему в Михайловское другу рукопись Онегина, прислонившись задом к точно такой же печке.

Падал снег.

Завывала Марьяванна.

Звучал пушкинский голос...

В России жили русские прогрессивные писатели и русский народ.

Народ бедствовал. Поэтому были народные герои, — Стенька Разин и Емельян Пугачев. Пушкин о своем народе написал: "Русский бунт, кровавый и беспощадный".

Он не добавил — бессмысленный. Любое возмущение имеет причину и имеет цель. Цели никогда не было. Была кровь. Если бы Пугачев взял Москву, он утопил бы ее в крови, сравнял с землей, и восставшие отправились бы назад, в свои дремучие села. Дальше либо выбирать но-

³ Мария Ивановна Козлодueva, моя незабвенная училка российской словесности. Такую фамилию мог придумать только Островский. (Прим. автора.)

вого царя-батюшку, либо получить его извне. И все вернулось бы на свои места.

Разин персиянку-княжну утопил, потому что одна была персиянка, и ее не хватало на всех в лодке. Я знал с Молдаванки, как урки делят своих девушек поровну на всех.

Марьянна даже песню затягивала "Выплывают на просторе...".

Пугачев сидел в клетке, и клетку стерег сам Суворов. Это я узнал по-
годя сам, мы этого не проходили.

Шла и спотыкалась русская история.

Народ жил отдельно, и русские писатели жили отдельно.

В стране говорили на двух языках.

Был язык Пушкина, Грибоедова и Гоголя.

На этом языке писали Толстой и Чехов.

Это был мужской язык, потому что писателями были мужчины.

Но русский язык в сокровенной своей основе это язык женский. Это язык страшных невыносимых бед и неутоленных слез. Это язык птичьей радости, щебета, он прерывист и порывист. Так весело щебечет щегол в зеленых ветвях. Он сейчас вспорхнет и унесется в близлежащие пространства!

Щеглы и скворцы поют только по-русски!

Эта боль и щебет отозвались в голосах Пушкина и Мандельштама.

На Чехове русский литературный язык закончился.

Потому что упали на землю, в придорожную грязь и навоз, карты. Грязь была густо замешена на крови. Карты смешались, и когда их подняли, было трудно уже в них разобраться. Так Господь, разрушив Вавилон, перемешал языки строивших, и понятного всем языка не стало.

Языку начали учиться вновь.

Начали тасовать колоду.

Так родилась Мария Ивановна.

Родилась она из свирепой народной ненависти к барам, из ярости кровавого и беспощадного русского бунта, из тысячелетних лишений, горя и слез, из подневольного рабского труда и барского презрения, — родилась, когда все это перемешалось.

Раб это призвание. Свободу он понимает только как месть.

Платонов сказал — женщина никогда и ни в чем не виновата!

(Андрей Платонов никогда не видел Марьянны.)

Народ говорил по-своему.

Был язык русских народных песен. Это печальные песни, в них много слез. Только у евреев было так много горя.

"Катюша" — русская народная песня, созданная евреями.

В новых временах цыганско-еврейские мелодии стали русскими романсами, и наслушавшись их, пускали себе пулю в упрямые русские лбы русские офицеры, ставшие парижскими водителями таксомоторов.

На этом языке говорили русские святые, на нем в городе Миры Ликийские говорил свои гневные проповеди Николай, епископ этих Мир, он же Зарайский и Смоленский святой, наш русский Никола-угодник.

Все русские святые говорили только по-русски!

Это был язык ярмарок, базаров, дорог и придорожных харчевен. В языке народном был запах дегтя и лошадей, запах еды и сбруи. В нем оседала пыль бесконечных дорог в бескрайней стране. Русский мужик упрямо лазал по своей половине земного шара. Он даже заполз на чужую, но тогда там еще никого не было.

Гоголь на первой странице "Мертвых душ" описал разговор двух мужиков насчет колеса от чичиковской брички, доедет ли оно, если случится, до Москвы, или не доедет?! Эти наши народные разговоры удивительны по последствиям, — из них вполне может родиться Хабаров и дойти до Тихого океана, а может выплеснуться и кровавый погром.

В русском языке не ощутима грань между грубым ругательством и сокровенной лаской. Поэтому русский человек, может быть, как никто на земле сострадателен, но и примеры кровавой нашей жестокости хорошо известны миру.

В русском языке неплохо разбирался Владимир Даль, датчанин по отцу, и по матери полунемец-полуфранцуз, а лучшими лингвистами были академик И.А. Бодуэн де Куртэнэ, из древнего французского рода, и, конечно, еврей Роман Якобсон.

Для народа барин был немцем, в смысле непонимания родной речи. "Немец" — это от слова "немой".

Был еще язык старообрядцев, язык протопопа Аввакума.

Он сказал: "Не нами положено, — лежи оно так вовек!". Народ думал примерно так же и копил злобу.

(Бог знает только язык Библии. По этой причине евреи выдумали себе ладино и идиш. Чтобы Бог понимал их только в молитве и в синагоге. А не в повседневной беготне за куском хлеба.

Богу с нами, русскими, трудно. Он нас не понимает. Он нашу речь не слышит, и видит только наши поступки.

А поступки наши, известно, какие поступки!)

Писатели русские и народ говорили на разных языках и совершенно о разном.

Собственно это было два разных народа.

Нижний народ был немьгтый и дурно пахнул.

Это литераторов отталкивало.

Но постепенно начинали привыкать.

Народ любил царя-батюшку, а всех этих бар ненавидел. Без разбору.

Потому что еще читать не умел и знать не мог, как русские литераторы о нем горевали и болевали.

Андрей Платонов сказал страшную вещь: "...невежество — чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле, где соли почвы взяты растениями и где ничего больше не вырастет...".

Нам повезло, мы начали позже других, и поля наши были ничем не тронуты.

В основе у нас были невежество и плохие переводы с французского.⁴

Начиналась русская литература Ломоносовым.

Чревата она была Великой Октябрьской революцией.

В самом Ломоносове чувствовалось что-то настоящее, от большевиков.

Он был из народа. И пешком пришел в столицу. Как ходоки к Ленину, но Ленина тогда еще в столице не было.

Была Великая Екатерина.

Носил парик.

Был патриот и иностранным напиткам предпочитал родную водку.

Немцы изумлялись его способности выпить.

Боролся с засильем инородцев, особенно с немцами. У него жена была немка. И любимая императрица тоже была немка.

⁴ Не только французскую, но всю мировую литературу, включая античную классику, мы получили из французских рук, то есть в двойном переводе с оригинала. Включая всю английскую литературу и, к сожалению, моего любимого Лоренса Стерна — в плохом переводе с французского, — какая боль! (Прим. автора.)

Он говорил — Матушка!

Петр Вяземский о нем написал: "Ломоносов немцев ненавидел, но ум свой одел в немецкое платье". Ученые немцы были вредители, и Ломоносов выводил их на чистую воду.

В этом смысле был нашим первым русским университетом.

Державин был русского татарского происхождения.

Благословил Пушкина.

Его самого благословлять было некому.

Да и занят бывал Гаврила Романович. Мальчишкой, поручиком, поехал он как-то на ремонтерство⁵ в провинциальный город и, сев там играть в карты, не вставал из-за карточного стола два года! Друзья в Питере отмазывали его, как могли.

Эта карточная страсть стала нашей поэтической традицией, и многое в творчестве наших писателей зависело от того, какая выпадет карта!

"Пушкин во время пребывания своего в Южной России куда-то ездил за несколько сот верст на бал, где надеялся увидеть предмет своей тогдашней любви. Приехал в город он до бала, сел понтировать и проиграл всю ночь до позднего утра, так что прогулял и все деньги свои, и бал, и любовь свою".⁶

Но потом Державин карты бросил, а на жизнь зарабатывал хвалебными одами матушке-императрице. Писал от всего сердца, за что получал золотые табакерки в брильянтах. Однажды в такой табакерке было дано ему сто рублей...

Интересно, сколько это выходит за строчку?

Грибоедов эти оды державинские в "Горе" вспомнил, — как трижды притворно падал дядя Фамусова, Максим Петрович, веселя государыню-матушку: "Упал он больно, встал здорово".

Честолюбив был Гаврила Романович сверх меры, даже за Пугачевым гонялся.

Пугачева, конечно, поймал Михельсон.

Само собой...

Первым в русской литературе неодобрительно отозвался о евреях.

Значит, в России уже появились евреи.

⁵ Прикупка лошадей в конный полк. Лев Николаевич это потом использовал в "Воине и мире", когда послал Николая Ростова на ремонтерство и губернский бал.
(Прим. автора.)

⁶ Князь Петр Вяземский. Старая записная книжка.

Николай Карамзин тоже был из русских татар.

К себе относился как к прижизненному монументу.

Утопил бедную Лизу.

Как мог он дать ей в любимые человека с именем Эраст?!

"Реформатор языка, галлицист, эссеист, романист, поэт и историк, предшественник Пушкина по литературному стилю Николай Карамзин".⁷

В Пушкине основное — ритм, упругий, певучий ритм, основанный на первоначальном, забытом сочетании слов.

Стиль можно выработать, лучшим его образцам можно подражать, но мелодия и ритм приходят путем откровения.

Пушкинская речь звучит мелодией, и странно ведь, как много писалось в России с тех пор, как талантливо, но идут столетия, а голос его жив и неповторим.

Ритм проступает сквозь словесное мясо пушкинского текста, в нем есть спокойствие и величие моря, и неведомая нам сила. Но и равнодушные слышится в нем, — к нашим земным бедам и радостям.

Слишком высок для нас этот голос, идущий с небес!

Домой с небес!

Но может быть, мы виновны сами. Когда так бегаешь и суетишься, Господь не успевает тебя заметить!

Карамзин совершил путешествие по Европе. В те годы Стерново сентиментальное путешествие сильно сказалось на русских литераторах, на всех, от Пушкина до Гоголя и дальше, но Стернова легкая насмешливость и улыбка странно отозвались в России — оскалом мертвого черепа с крупными лошадиными зубами.

Нет, не волчьими, волчьи клыки это ярость нападения и возмущенный шелест высоких трав, раздвигаемых стремительной волчьей побежкой, — но была это монотонная и надоевшая до смерти жвачка нашей российской жизни!

Надоело до смерти и хуже смерти, и вот русский человек поджигал собственную избу и, не обернувшись глянуть, уходил, не выбирая пути, — в нашей стране это неважно, в ее пустых бесконечных пространствах любое направление впору, — была бы дорога!

К северу было холодно, на востоке лежал Камень, на юге была вольница, — выбирай!

⁷ Владимир Набоков. Комментарии к "Евгению Онегину" Александра Пушкина".

Так возникла "История государства российского": "У Темных, у Грозных, у Окаянных / За шерстью не видно лица: / Иваны, Иваны и снова Иваны, / И нет тем Иванам конца".⁸ Иваны сменились Петрами, но лучше не стало. Пушкин сказал: "В его "Истории" изящность, простота / Доказывают нам, без всякого пристрастья, / Необходимость самовластья / И прелести кнута".

Так возник Радищев, но так возникли и Мертвые российские души.

Воздушное Стерново путешествие обернулось под пером Карамзина утомительно скучной дребеденью.

Денис Иванович Фонвизин немцев не любил.

Русских тоже не жаловал. В "Недоросле" страх и оторопь берет от положительных героев — Стародума, Правдина и Милона. Симпатичны только отрицательные.

Вот дядя Тараса Скотинина, хмельной и на борзом иноходце, как-то "разбежался в каменные ворота". И хватил себя лбом о притолоку, а "про-трезвясь, спросил только, целы ли ворота". Какова русская удаль! А г-жа Простакова изумительно разрешает заданную Митрофану задачу, сколько денег пришлось бы на каждого, найди он с двумя товарищами триста рублей: "Нашед деньги, ни с кем не делись". Это же классический ответ Буратино, насчет двух яблок, сколько у него останется, если Некто возьмет одно? Два, — ответил Буратино, — потому что этому Некто я как дам в нос!

И Митрофанушка со своим очаровательным сном: "Ночь всю такая дрянь в глаза лезла... то ты, матушка, то батюшка".

Они просты и наивны, но живы, и это первый в нашей литературе живой язык!

Именно с Фонвизина начались родовые схватки русской литературы, — ну никак не давались ей положительные герои.

Что-то есть в сокровенной основе нашей жизни, из-за чего отрицательные герои под пером русских литераторов и вопреки их намерениям всегда выходили очаровательными, — Павел Фамусов и полковник Сергей Скалозуб, прожигатель жизни Стива Облонский, проходимец Остап Бендер, завистник Николай Кавалеров...

И Грибоедов мучился этим, не говоря о Гоголе. Даже Юрия Олешу это достало в "Зависти".

⁸Николай Туроверов. 1947.

Жуковский писал баллады на французский манер из жизни неизвестных никому народов. Состоял при Пушкине и при императоре.

Иван Андреевич Крылов был мудр и нетороплив. Был тяжеловат, любил хорошо поесть и потом отдохнуть. Он был, как тогда говорили, очень покойный, уютный.

Батюшков о нем сказал: "Крылов ничего не читает, кроме "Всемирного путешественника", расходной книги и календаря, а его будут читать и внуки наши. Талант нелюбопытен...".

Талант благожелателен!

Так Пушкин относился к литературным современникам, — ему неудобно было за несоразмерность своего дарования!

Я не помню на Крылова ни одной эпиграммы, а время было язвительное сверх меры! Его любили и уважали все, даже очень не ладившие между собою.

Наклонив тяжелую голову, чуть прищуренными глазами он спокойно рассматривал человеческий мир. И, пожалуй, он действительно больше нас любил наших меньших братьев.

(С Крылова потом Гончаров списал Обломова.

"Обломовщина", — язвительно толковала нам Марьянна. Да вовсе не был ленив Обломов, он понять не мог: ради чего мы так суетимся?

Обратясь в броуновское движение, перестав различать человеческие лица, размытые страшной скоростью перемещений, кем стали мы?

И к этому следует уяснить, — русский писатель никогда не мог бы создать произведение с положительным героем немцем и отрицательным русским!)

Мои одноклассники, из евреев, читая басню "Вороне бог послал кусочек сыру. / На ель ворона взгромоздась...", выговорить эту "Ворону" никак не могли.

Ворона — взгромоздась, — как очаровательно!

"На ту беду..." — завывал Изя (а нынче Игорь) Берлин. Марьянна морщилась.

Бог в нашем школьном Крылове писался с маленькой буквы. Время было таким, как с горечью отметил Николай Эрдман, — не стало ни Бога, ни сыра.

В иносказательной форме клеймил царизм.

"...ох! басни — смерть моя! / Насмешки вечные над львами! над орлами! Кто что ни говори: / Хотя животные, а все-таки цари".

Царизм, не разобравшись, поставил Крылову памятник.
Первый в России литератору. В Летнем саду.

Вернемся к народу. Он этих памятников никогда не понимал. Конечно, если герою, это само собой. К примеру, Стенька Разин, или царь-батюшка.

В двадцать первом вышла разнарядка на памятники. Тогда множество поставили таких памятников народным героям. Ленину и кроме. В Самаре, в присланном списке, был Тимирязев.

Памятник ему поставили на коне, с саблей наголо.

Константин Батюшков воевал с двадцати лет, дважды был ранен и вошел победителем в Париж. Сам по себе, вне пушкинского влияния, он, как срубленное дерево, не дал ростков. "Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги".

Единственный, равноценный Пушкину, иной совершенно, кто мог изменить всю нашу жизнь: "Ни у кого — этих звуков изгибы... / И никогда — этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принес
Шум стихотворства и колокол братства
И гармонический проливень слез"⁹

Вторую половину жизни, свыше тридцати лет, пробыл в беспамятстве — в душевной болезни, и о себе заметил: "Нам Музы дорого таланты продают".

Пушкин был русского эфиопского происхождения.

Но воспитала его Арина Родионовна.

"Был белый арап и бросался на русских женщин". Почему же только на русских?!

"Прославленный кутила и повеса / С горячими арапскими глазами /
На некрасивом и живом лице..."¹⁰

⁹ Осип Манделъштам.

Батюшков был самым любимым поэтом юного Пушкина, именно гармония и точность привлекали его. По замечанию Набокова, "в Евгении Онегине еще звучит отголосок батюшковской легкости слога". (Прим. автора.)

¹⁰ Довид Кнут.

Из растительности носил бакенбарды.

Царизм Пушкина боялся и травил.

Пушкин с царизмом боролся.

Александр Сергеевич Пушкин был известный поэт и писал гусиными перьями. Перо царапалось о бумагу, а с другого конца он его обгрызал. И тогда Пушкин, выйдя в болдинский двор на Михайловском¹¹, присматривал себе гуся покрупнее и пожирнее, потому что у такого гуся хорошие перья. И подкравшись сзади, Пушкин, выдрав у гуся перо, стремглав мчался к себе в кабинет, а за ним неся обиженный гусь. И если догонял, то некоторое время Пушкин писал стоя. В такой тяжелой обстановке развитого царизма приходилось поэту творить для народа.¹²

Эпоха делилась на друзей и недругов Пушкина. Других значимых событий в ней не было. По ссылкам литературным друзей было большинство.

Николай Павлович лично занимались судьбой Пушкина...

Марьянна Онегина ругала как лишнего человека, но имела на него надежду как на будущего декабриста.

В школьном курсе была такая последовательность: лишние люди, выходцы из народа, народовольцы и, наконец, революционеры. Это проходило красной нитью, и ею был шит наш школьный курс русской литературы.¹³

Лишними были Онегин и Чацкий. Позже возник Печорин. Он был бабник, но это все из-за гнетущей атмосферы царизма, — не знал, к чему себя приложить!

Чайковский оперу написал об Онегине. Мы ходили ее всем классом в Оперный театр слушать. Чайковский имел любовную переписку с баронессой фон Мекк, но что-то там не заладилось. Мария Ивановна намекала на сословные предрассудки и царизм.

Пушкин непереводем.

Потому что в поэзии переводем все, кроме поэзии.

¹¹ На всякий случай, — автор знает, где Болдино и где Михайловское!

¹² Следуя Хармсу.

¹³ Вообще-то, вся эта идеологическая мура дореволюционного еще производства, как, например, понятие "красная нить" применительно к анализу литературного произведения. В советское время это было доведено до необходимого совершенства и стало неременным элементом школьной пропаганды, примером чему является книга некоего Бродского "Пособие для учителей средней школы", выпущенная Государственным учебно-педагогическим издательством Минпроса РСФСР в 1950 году, как отметил Владимир Набоков в "Комментарии к "Евгению Онегину" Александра Пушкина" (*Прим. автора.*)

Набоков перевел Онегина и для американцев написал к переводу обширный комментарий. О русской дворянской жизни и ее обстоятельствах. Это интересно только нам, русским. Как своя домашняя и уютная беседа.

Ну-ка, вспомните, почему девушки, собиравшие ягоды, должны были петь?!

От Пушкина осталось странное чувство — барский сад, усадьба с колоннами, ярко освещены окна старого дома и распахнуты в густой темный ночной сад. В окнах музыка и силуэты танцующих пар.

В каждой девичьей головке, которую я любил, чувствовался рисунок Пушкинской руки.

В "Капитанской дочке" главным героем был Пугачев. Но, с другой стороны, за Пугачевым охотился сам Суворов, гордость русского оружия.

Марьянна горевала, что разгромили Пугачева и подавили народ. Но надежду на будущее не теряла.

Народ еще проснется!

Как в воду глядела! Но это случилось уже в десятом классе.

Все же хорошо вышло, что Пугачева поймали не Суворов с Державиным, а Михельсон.

Пушкина народ любил, но читать пока не умел.

Поэтому безмолвствовал.

Связь между народом и Александром Сергеевичем обеспечивала Арина Родионовна. Здесь Марьянна читала "Выпьем с горя, где же кружка?".

Он был горячий светильник, а мы хотели немного погреться и радовались как дети, — и он сгорел.

Пушкина мы прошли быстро. Мы оставили его там, на берегу Черной речки, — по снегу пролилась кровь, и секунденты поднимают его легкое тело...

"...Все в этом мире по-прежнему.

Месяц встает, как вставал,

Пушкин именье закладывал

Или жену ревновал.

И ничего не исправила,

Не помогла ничему

Смутная, чудная музыка,

Слышная только ему"¹⁴

¹⁴ Георгий Иванов.

Эти пушкинские личные дела — долги, полотняный завод, три сестры, позорное камер-юнкерство, вечная нехватка денег — стали частью живой жизни всех последующих поколений, как свои, собственные дела и беды! — как часть истории Родины, как очистительная "гроза двенадцатого года".

Были новые голоса, с иной и сильной мелодией, но музыка пушкинского голоса никогда уже не переставала звучать.

Если бы не она, нас, лучшего в нас, — никогда бы не было!

Радищев завелся примерно так, как заводится в доме моль, вроде бы ни от чего и ниоткуда. "Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй". Это по памяти. Мы это заучивали как пример патриотизма.

Вообще он задумал легкую вещь, свое "Путешествие", оно было даже слегка эротического плана, поскольку за основу Радищев имел Стернаво "Сентиментальное путешествие".

Если перечесть Лоренса Стерна¹⁵ и после него Радищева, тронуться можно мозгами.

Если это перечесть, то даже и без Стерна.

Что потом и случилось с Чаадаевым.

Был первый русский диссидент. Отсидел свое.

За ним шел Чаадаев. Последним в ряду диссидентов был Солженицын. Но русское правительство к этому времени стало хорошим, и Солженицын с ним примирился.

Национальность Радищева выяснить не удалось.

Умер от испуга.¹⁶

¹⁵ Непременно в гениальном переводе Адриана Антоновича Франковского, подарившего нам и "Томаса Джонса". Он погиб в блокаду, в замерзающем и голодном Ленинграде, в 1942 году. Я люблю Стерна, потому что Франковский мне его подарил, перевел. На самом деле он не перевел, он именно создал для нас, русскоязычных, Лоренса Стерна. Когда перестало биться его сердце, может быть, это была одна из самых больших потерь самой страшной в истории человечества войны. Когда я пытаюсь представить, какой мир рухнул, когда от голода и холода погиб Адриан Антонович, какие знания и блестящие способности, неповторимые никогда, рухнули в небытие, я перестаю понимать суть и смысл человеческой истории, ее назначение, и все в ней кажется мне убого сиюминутным, лишённым смысла и умышленно преступным.

По сути, "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена" это одна из лучших и самых русских по характеру книг! (*Прим. автора.*)

¹⁶ Отсидев шесть лет в Сибири (а дали десять, потому что Екатерине эта детская белиберда показалась опаснее Пугачева) и работая уже в Комиссии составления законов, он позволил себе какое-то либеральное высказывание, на что председатель комиссии граф Петр Завадовский пригрозил ему новой Сибирью. Испугавшись, он кончил жизнь самоубийством, выпив из склянки средство для чистки эпюлет, даже саму смерть свою превратив в подобие анекдота. (*Прим. автора.*)

Сергей Соболевский был язвительный тенор эпохи!

"Нет подлее до Алтая / Полевого Николая, / И глупее нет от Понта / Полевого Ксенофонта".

О современных литераторах отзывался благожелательно: "Идет обоз с Парнаса, / Везет навоз Пегаса".

Александр Грибоедов написал свое "Горе", чем сильно усложнил Марьянне жизнь. Она затруднялась определиться с положительным героем. Насчет отрицательных было просто, там все были отрицательные. Положительным мог быть только Чацкий. Пусть крикливый и суматошный, но зато обличительный, и толк из него все же есть. Или будет в дальнейшем.

По оценке Пушкина, Чацкий был человек очень неумный.

Сюжет "Горя" Грибоедову приснился. Будучи вдали от родины, в Персии, в 1821 году, и тоскуя по друзьям, Москве, по театру, он лег спать в саду и увидел сюжет своей великой пьесы.

Я, если б умел рисовать, как Суриков, или хотя бы как травоядный Репин, нарисовал бы сюжет, как покойно спит Александр Сергеевич, положив руку под голову и уютно подогнув ноги.

Фоном задника дан персидский ковер с густой зеленью восточного орнамента, а обитатели бессмертного Гора проходят чередой мимо скамьи, на которой отдыхает наша великая литература, и обсуждают его шепотом, чтобы не потревожить, что вот, мол, наконец-то сошел с ума, и насколько это было ожидаемо, а теперь очевидно:

(Антон Антонович Загорецкий: "Да, он сошел с ума",

Графиня-внучка, засидевшаяся в девицах: "Представьте, я заметила сама... вот чудеса! вот ново!")

Миновав эту скамью, они сошли со сцены и вместе с нами, зрителями, отправились по нашим домам.

Так они пришли жить ко Льву Толстому в "Войну и мир".

Пришел Павел Афанасьевич Фамусов, — старая хлебосольная Москва: "Сергей Сергеич дорогой! / Кладите шляпу, сденьте шпагу; / Вот вам софа, раскиньтесь на покой".

Это ведь старый князь Илья Андреевич Ростов, растранивший в доброте сердца все состояние предков и оставивший сыну только одни долги.

Оттого он и сетует: "А все Кузнецкий мост, и вечные французы...".

Софья Павловна, дочь его, говорит о князе Болконском: "Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали? / Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?".

Это ведь Чацкого сделал Лев Николаевич своим героем, молодым князем Болконским, его язвительный голос звучит в салоне Анны Шерер, в начале "Войны и мира". Если бы Чацкий женился на Софье Павловне, он затравил бы ее, как это сделал Болконский с маленькой княгиней, своей погибшей родами женой. Он, доберись до Наташи Ростовой, погубил бы и ее непременно.

Поэтому Лев Николаевич по ходу письма сменил героя, а этого, не оправдавшего надежд, погубил в мучениях, что делал, к сожалению, со своими героями часто.

Анна Ахматова не могла простить ему гибели Анны Карениной.

Прототипом старого князя Болконского Толстой взял Стародума ("Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому... В то время... не умели еще чужим умом набивать пустую голову..."), и так в новых временах зазвучал русский Домострой. Потому что сегодняшняя грязь образуется из вчерашней пыли.

Это не был бал, тот незабвенный вечер у Фамусова, они в трауре были, а так, просто съезжались "домашние друзья потанцевать под фортопиано".

В тот вечер была сыграна в доме Фамусова вся наша история, бывшая и предстоящая, а Лев Толстой описанием этого вечера, перенеся его в салон Анны Шерер, начал "Войну и мир".

"Горе" вовсе не пьеса, это наш русский театр марионеток, и кукловодом в нем выступает сам Грибоедов. Сюжет этот вечен и конца он у нас не имеет!

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич, был отрицательный, и Марьяванна скандировала: "Хрипун, удушенный, фагот, / Созвездие манёвров и мазурки".

А прочтя текст, выяснялось, что был полковник героем двенадцатого года (на службе с восьмьсот девятого). В тринадцатом году, третьего августа, засели они с братом в траншею: "Ему дан с бантом, мне на шею". Значит, воевал полковник, отметил я возле печки, "банты" в России никому задаром не доставались, а ведь сама Марьяванна с придыханием говорила: "Гроза двенадцатого года".

Здесь вновь возникнул эротический сюжет, да и пора была, все же девятый класс школы.

Ах, эти ночи Софьи и Молчалина: "Возьмет он руку, к сердцу жмет, / Из глубины души вздохнет, / Ни слова вольного, и так вся ночь проходит, / Рука с рукой, и глаз с меня не сводит".

Но Лизанька, не удержавшись от смеха, разъяснила нам, шестнадцати-

летним, правду жизни: "Мне ваша тетушка на ум теперь пришла, / Как молодой француз сбежал у ней из дому. / Голубушка! хотела схоронить / Свою досаду, не сумела: / Забыла волосы чернить, / И через три дня поседела".

И добавила: "Грех не беда, молва не хороша".

Спасибо тебе, Лизанька, за мое сексуальное здоровье!

Потом эти платонические отношения развивал уже Чернышевский во снах Веры Павловны. У него опыт был, у Чернышевского. Был такой любовный треугольник — он сам, его жена, Ольга Сократовна, и весь Саратов, на что Грибоедов и указал, грозя загнать туда Софью: "В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!". Подумаешь, сколько того Саратова? — а Чернышевский в этом черпал вдохновение и ненависть к царизму.

Марьянна негодовала, как это Софья могла изменить положительному Чацкому? Да что там Марьянна, сам Пушкин затруднялся с определением характера Софьи, — не то, говорил, блядь, не то московская кузина.

Пушкин себе эти любовные ночи представить не мог.

Мы в классе тоже. Мы уже перешли в десятый...

Фамусов разъяснил о московских девицах: "К военным людям так и льнут, / А потому что патриотки".

Да, но Молчалин ведь был сугубо штатская канцелярская крыса!

Чацкий бежал и кричал (вместе с Марьянной): "Карету мне, карету!".

Кошка наша школьная, Василиса, пятицветная, с уникальным хвостом, завитым в крендель, как у лайки, греющаяся у моих ног, недовольно вздрагивала и переставала мурлыкать, кончик ее хвоста неодобрительно шевелился.

А это Марьянна объясняла, что Чацкому душно стало в царском режиме. Осталось неясным, куда Чацкий в этой карете поехал.

Происхождением Грибоедов был безродный космополит и поклонялся золотому тельцу. Поэтому дружил с Фаддеем Булгариным.

Фаддей был известным козлом отпущения, был отрицательный персонаж светлой пушкинской эпохи.¹⁷ Все современники на нем упражнялись.

Лицо Грибоедов имел голое. Со следами былых страстей.

¹⁷ Подумать только, я вот размышлял, каким это образом безобидное животное, козел (жил-был у бабушки...), стало у нас эмоциональным определением законченного придурка и отморозка, а ведь это источник всего — Библия, — их два было там козла, в Храме, и одного приносили в жертву, а на другого Первосвященник возлагал все грехи народа Израиля и отпускал живым пасть на травку. Это и есть наш козел (отпущения) — полностью невменяемое существо! (Прим. автора.)

Жил, как писал, — свободно и свободно!

Литературных современников не жаловал: "И сочиняют — врут! И переводят — врут!". Был трагически одинок и горько посетовал: "Блажен, кто верует, Тепло ему на свете!".

Пасквиль написал на декабристов в Репетилово: "Шумим, братец, шумим...". И посулил им фельдфебеля в Вольтеры...

Жил дорогой и в дороге: Тифлис — Эривань — Тавриз — Тегеран...

В России было холодно, он стремился на юг, и страсти ему только что предстояли.

"Откуда вы? — спросил я их. — Из Тегерана. — Что вы везете? — Грибоеда".¹⁸

Ах, Александр Сергеевич, "у меня к вам влечение, род недуга, любовь какая-то и страсть...".

Сколько живу — удивляюсь!

Марьянна меня спрашивает — так что же тебе не нравится в нашей русской литературе?¹⁹

"Гоголь был человеком с большим талантом, но с узким и темным умом".²⁰

Писатель идет от Бога, путем откровения.

Есть пишущие от себя, но это не в счет, — от ума бывает только горе!

Николай Гоголь начинал с языка, остальное, люди и события, появлялись сами по себе, они были необходимы языку как приложение сил. Он шел от первоосновы, следуя Богу, создавшему язык, и к нему, дополнением, человека.

Вначале было Слово!

Мы — его скудоумный носитель, с испугом озирающийся в кромешной мгле.

Но только оно и есть во всем сущем — Слово! Растеряв его, мы остаемся в пустоте!

Любая попытка трактовать образы Гоголя на основе нашего жизненно-го опыта есть несомненная глупость.

¹⁸ Пушкин. "Путешествие в Арзрум". Эти несколько слов — гениальное произведение, полное трагедии и тоски! Эта форма гениально найдена, и она проговаривается, — Пушкин не встретил этот деревянный ящик, — он эту встречу выдумал! (Прим. автора.)

¹⁹ Автор в те годы носил фамилию отца, Шапиро, а Дорошенко — это была мамина фамилия. (Прим. автора.)

²⁰ Лев Толстой.

Пасквили писал на великий русский народ. Потому что был из хохлов, они известно как любят москалей...

Бить жидов не призывал, это все неправда, но примеры, как это происходит при народном патриотизме, описывал.

Написал удивительную пьесу, лучшую из написанных в мире, "Женитьбу", совершенно лишённую сюжета. Мы ее не проходили, там не было за что социально зацепиться.

Идет, пошатываясь от горя, и мерзнет на ледяном ветру Акакий Акакиевич, лишённый шинели. Каким образом Марьянна усматривала в нем социальную несправедливость, я позабыл, — его ведь просто обобрал грабитель.

Были великие мастера на выдумки имен, от Фонвизина до Островского, даже Пушкин сочинил графа Нулина, но гоголевский Держиморда навсегда бессмертен!

В "Мертвых душах" получалось еще хуже, чем в "Горе". Там хоть Чацкий был хороший, а здесь и того не было. Разве что Чичиков, но во второй, положительной части. Марьянна нам разъяснила, что Гоголь ее писал, писал, и задохнулся в затхлом воздухе царизма.

Гоголь "Мертвые души" писал частично в Риме, частично в Париже.

Голоса Пушкина и Гоголя, — как волны, и на них, на глубокой и чистой воде, покачивается красавец-корабль великой русской литературы.

В имени этом всего шесть букв, легких, пружинистых, смеющихся, как клавиши музыкального инструмента, — Пушкин!

Шесть — наше сокровенное число, и так получился Гоголь!

А ведь шесть — это одно из тайных чисел еврейской каббалы.

Оба они вне библейских представлений о Добре и Зле!

Буквы пружинят в этом собранном звуке — Гоголь, — но цвет их иной, он мерцает темнотой и тайной.

Потом появился Тютчев и подтвердил число.

Что-то птичье есть в этом имени — Тютчев, — оно тоже смеется!

Меньше букв никак не получалось, не хватало для полного числа реального смысла, — так возникли и Фет и Блок.

Так возникла отдышка в чистом голосе русской поэзии.

Но когда стало на букву больше, все завершилось Толстым!

Семь — это сокровенное число древнего народа евреев.

Так заповедал Бог — Он назначил все сущее в полном числе — Семь!

Все декабристы были друзьями Пушкина.

Декабристы были далеки от народа.

Иногда приезжали в свои имения.

Во глубине сибирских руд...

Вышли они на Сенатскую площадь, постояли там, вдалеке от народа, но вот будить Герцена — никогда этого не прощу! Они нам дорого обошлись, эти ребята! Мы своих дедушек с бабушками знали хуже по имени, чем декабристов.

У Петра Яковлевича Чаадаева была блестящая лысина и даровой флигель на Басманной.

Лицо и голова были у него полностью голыми. Настолько, что чувствозарождало некоторой неловкости, вроде как был в исподнем.

Возможно, — символ оборотной стороны России?!

Он тоже был русский татарин.

Как и Чайковский имел любовную историю, но в затхлой атмосфере царизма она не могла развиваться. Из-за этого царизма Гоголь, Чаадаев и Чайковский не смогли устроить личную судьбу. В смысле женитьбы.

Гоголь потом эту женитьбу описал.

Каждому, кто жил на земле, страдал и мучился, необходимо надо и самое время перечесть гоголевскую женитьбу!

Назначил России стать Западом, на что Грибоедов пожелал в сердцах: "Чтоб истребил господь нечистый этот дух / Пустого, рабского, слепого подражания..." — и добавил: "Кто мог бы словом и примером / Нас удержат, как крепкою возжой, / От жалкой тошноты по стороне чужой".

Мы к этому времени уже сами вышли на запад, пройдя Дальний Восток. Наши пути всегда ни на что не похожи, и Козьма Прутков это определил так: если дадут тебе линованную бумагу, — пиши поперек!

Официально был признан сумасшедшим.

Фамусов о Чаадаеве заметил: "Монашеским известен поведением", — и добавил: "По матери пошел, по Анне Алексеевне; / Покойница с ума сходила восемь раз".

Ездил в Английский клуб и стоял там у колонны — денег на игру не было. Москвичи ему сильно удивлялись.

Первый наш денди. Это его англичане научили.

Домой приехав, писал, что так жить, как живут в России, невозможно! А брату письмо с требованием денег. За проданных крепостных.

От полного разорения и нищеты его спасла смерть.

С Чаадаева начались западники.

Позицию славянофилов исчерпывающе выразил еще Суворов: "Мы — русские, какой восторг!".

Это история про буриданова осла, так и умершего от голода между двумя связками сена, — и слева вкусно, и справа хорошо.

О народе выработался взгляд, что истина только в нем. Потому что этот народ — богоносец! Даже Толстой не удержался с Платоном Каратаевым.

Народ считал эту землю своей, а всех бар, вместе с их городами и книгами, лишними!

И ждал своего часа.

Федор Тютчев немцев не любил.

Отметил с гордостью: "Что русскому здорово, то немцу карачун".

Из такого взгляда вытекают некоторые характерные особенности нашего отечественного прогресса.

Жениться имел обыкновение на баронессах, но это по бедности.

Обладал фантастическим влиянием на женщин.

Пожилым имел поэтическую шевелюру из мало сохранившихся волос.

"Дайте Тютчеву стрекозу. / Догадайтесь почему..."²¹

Декабристам посвятил проникновенные строки: "Народ, чуждаясь вероломства, / Поносит ваши имена, / И ваша память для потомства, / Как труп в земле схоронена. / О, жертвы мысли безрассудной! / Вы уповали, может быть, / Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить".

О нашей молодости, о том, как и когда мы стали людьми, он сказал:

"Есть некий час всемирного молчанья,

И в оный час знамений и чудес,

Живая колесница мирозданья

Открыто катится в святилище небес"

Мне повезло поднять голову и задержать взгляд — был именно этот час!

Выйдя из ворот школы, по пути домой я видел этот вечер и запомнил его: крыши домов, силуэты труб, врезанных в эти крыши, на карнизе осторожную кошку, танец ветвей и листьев, и над всем этим пронзительной

²¹ Осип Манделъштам.

нежности вечернюю тень, сгущающуюся постепенно, миллионами полутонов, и в каждом был отблеск счастья...

Мысль, отметил Тютчев, хороша, — пока молчишь!
Насколько был прав, провидец!

Лермонтов был из русских шотландцев.

Родину любил, но как-то странно. Только ночью и в экипаже...

На лице имел усики и был большой любитель женщин: "В Тамбове не видали люди / Такой высокой пышной груди".

Натолкнувшись случайно на эти бессмертные строки в "Тамбовской казначейше", я полностью перечел Лермонтова.

"Лермонтов хотел у Пушкина жену увезти. На Кавказ. Все смотрел на нее из-за колонны, смотрел... Вдруг устыдился своих желаний.

"Пушкин, — думает, — зеркало русской революции, а я — свинья".

Пошел, встал перед Пушкиным на колени и говорит:

— Пушкин, — говорит, — где твой кинжал? Вот грудь моя!

Пушкин очень смеялся".²²

Лермонтовым открывается особая, чарующая тайнами глубина в русской и мировой литературе, но в такой глубине обитают и черви, и плесень!

Народ любил, у его бабушки крепостные были во множестве. Она Лермонтову деньги пересылала.

Офицеры гвардии делали тогда русскую литературу.

Державин имел бригадирский чин, что равносильно полному генералу.

Потом пошли чином помельче — Константин Батюшков, Сергей Неелов, Александр Грибоедов, Петр Чаадаев, Михаил Лермонтов...

Они были легкими людьми, эти гвардейские офицеры, — карточный стол — бальный танец — Бородинское поле — взятие Парижа...

Писали они в перерывах этих занятий.

Они говорюны салонные были, их заслушивались: "Что говорит! и говорит, как пишет!". Это о полковнике сорок пятого егерского полка Сергее Скалозубе:

"Позвольте расскажу вам весть:

Княгиня Ласова какая-то здесь есть,

Наездница, вдова, но нет примеров,

Чтоб ездило с ней много кавалеров.

²² Н. Добрович-Майкова и В. Пятницкий. "Однажды Гоголь пришел к Пушкину". 1998 г.

На днях расшиблась в пух, —
Жоке не поддержал, считал он видно мух. —
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа".

К этому тексту необходимо надо чувствовать голос, поставленный командами на плацу, хриловатый, раскатистый и насмешливый голос!

После Сергея Скалозуба таким фантастическим говоруном был Федор Тютчев.

Чаадаев был молчаливый говорун.

Булгарин тоже воевал, но со стороны Наполеона, — он был перебежчик. И как всякий перебежчик, был пламенный русский патриот. Были тому исторические и литературные примеры — так Иосиф Флавий, из евреев, стал пламенным древнеримским патриотом.

Эта военная литературная традиция изменилась на Льве Толстом, он был не гвардии, но артиллерии поручик. Это определило его литературный почерк и силу взгляда. И если бы Лев Николаевич не бросил службу, быть бы ему генералом!

Козьма Петрович Прутков был истинно русский человек.

Прямо в этом смысле на нем душа отдыхает.

Имел псевдоним и подписывался — Алексей Константинович Толстой, граф.

Заметил, что не так страшен был параноик и кровавый монстр царь Иван, как окружавшие и терпевшие его бояре.

Полустолетие спустя его двойной тезка и тоже пишущий граф не просто терпел, но панегирики писал советскому параноику и кровавому монстру. А окружавшие этого монстра бояре были еще страшнее.

Нас, мальчишек, Козьма Петрович предупредил еще в десятом классе: "Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны".

А я прошутил с женщинами большую и лучшую часть своей жизни!

В бессмертном своем проекте "О введении единомыслия в России" дал примечание: "Велеть всем редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, позволяя себе только их повторение и развитие".

Нужны ли тут слова?!

Вертится и вертится русская рулетка, кровавое колесо нашей истории, и возвращается на свои круги, только шарик выпадает всегда черного цвета.

Насчет крепостных не знаю, он служилый был, Козьма Петрович, — из пробирной палаты.

Белинский был чисто русский, как и Чернышевский.

"В руках у этого педанта / Могильный заступ, не перо..."²³

Испортил нам юность. Вместо русской литературы подсунул историю русского либерализма!

Марьянна говорила о нем, как об отличнике, с придыханием, и порывисто поднималась на цыпочки: "неистовый Виссарион".

(Иосиф Виссарионович стал ему идейным потомком!)

Пылал и освещал местность. Беспросветный мрак.

Но уже брезжило...

Чернышевский тоже был чисто русский, как и Белинский.

Объяснил "Что делать?".

Очарователен там третий сон Веры Павловны. Уже четвертый год находилась она в девственном замужестве(!), когда как-то ночью привиделась ей голая волосатая рука, и восемь раз подряд эта манящая рука высунулась из-за полога кровати. Тут она прозрела и сразу отправилась в спальню к мужу.

Этот сон потом привиделся Зигмунду Фрейду.

"Долго они шупали бока одному из себя" — таким был первый в русской литературе эротический сюжет! Поэтому секса у нас не было, но были сношения просто. Молча, в тишине и с сопением. Мы странным образом пошли здесь не за Пушкиным, а по Чернышевскому.

Самое бездарное и самое известное произведение русской литературы, роман "Что делать?", позволил Набокову в "Даре" уничтожить и увековечить как сам роман, так и его автора.

Все-таки страшно далеки были они от народа, декабристы!

От этого народа чем дальше, тем спокойнее!

Но разбудили Герцена!

А Герцен по национальности был незаконнорожденный. Его так и называли, от немецкого слова "сердце", — дитя любви.

Был неразрывно связан с русской литературой.

²³ Евгений Баратынский.

"Снится однажды Герцену сон. Будто эмигрировал он в Лондон и живет ему там очень хорошо. Будто купил он собаку бульдожьей породы. До того злоущий пес — сил нет: кого увидит, на того и бросается. И уж если достигнет, вцепится мертвой хваткой — все, можешь бежать, заказывать панихиду. И вдруг будто он уже не в Лондоне, а в Москве; идет по Тверскому бульвару, чудовище свое на поводке держит, а навстречу Лев Толстой... И надо же, тут на самом интересном месте пришли декабристы и разбудили!"²⁴

Герцен начал звонить в колокол!

Русская интеллигенция проснулась, протерла глаза и пошла в народ.

Так возникло ерничанье, ложь и оплевывание всей русской истории. Основной задачей стала борьба с царизмом. Оставалось неясным, кто же собственно создал эту великую страну? Какими силами и как создал, если все в ней, генералы, губернаторы и чиновники, — были лжецы, взяточники и негодяи?!

Некрасов был игрок и охотник. Об этой красивой жизни сказал поэтически:

"Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды"

Когда не шла карта, скорбел о народе.

Спустил литературу русскую пониже, к народу лицом.

В этом смысле придал поэзии вид газетной передовицы, став духовным отцом Демьяна Бедного.

Тут появились разночинцы. Марьянна их называла выходцами из народа.

Я и говорю: — Выходцы бывают с того света.

Марьянна велела, чтобы отец пришел в школу.

Иван Тургенев в Россию приезжал охотиться.

Егерьей принимал за русский народ, а охоту за основу русской национальной жизни.

²⁴Добрович-Майкова и В. Пятницкий. "Однажды Гоголь пришел к Пушкину", 1998 г.

Борода у него была на манер жидовствующих, по официальному того времени определению.

В предках были татары. Ежели бы не татаро-монгольское нашествие, мы бы не досчитались половины своих литераторов!

Дружил с Луи Виардо.

Был склонен к внезапным порывам, чего-нибудь испугавшись. Тогда сразу же уезжал в Баден-Баден. Так случилось и в день дуэли со Львом Николаевичем.

Странно ведь, он несомненно талантлив, это всегда и все признавали, но верно отметили Набоков и Мандельштам²⁵, — все это осталось далеко позади — было и прошло, — к нему уже никто не придет, разве что цветы на могилу.

Ну тут Лев Николаевич пришел, и мы во многом разобрались.

"Старик невзрачный, роста небольшого,
с растрепанною ветром бородой,
проходит мимо скорыми шажками,
сердясь на оператора..."

Но есть одно,
что мы никак вообразить не можем,
Я говорю о тех ночах, когда
Толстой творил; я говорю о чуде..."²⁶

Борода у графа Толстого была косматая, неухоженная, со следами в ней сена.

Имел Ясную Поляну и Софью Андреевну.

Таежный русский медведь.

Громадный, тяжелый, неповоротливый! Вот у него в руках хрупкая наша судьба, и он рассматривает ее, осторожно наклонив тяжелую голову, стараясь не сломать...

Матерый человечище и зеркало русской революции, как его обозвал Ленин.

²⁵ "Тургенев был весь разрешенный и открытый с Баден-Баденом, "Вешними водами" и ленивыми разговорами. Но я знал, что такой спокойной жизни, как у Тургенева уже нет и нигде не бывает". Осип Мандельштам. Шум времени.

²⁶ В. Набоков. "Толстой". 1928.

Душой своей мы обязаны этим двум, легкому как пушинка Александру Пушкину и основательно-тяжелому Льву Николаевичу Толстому.

Он написал Отечественную Войну, гордостью осветившую нашу жизнь, а то, что попало на страницы многотомных историй, с картами и схемами, с миллионом цифр и имен, осталось смешным и жалким отражением "грозы двенадцатого года"!

Зимней ночью возвращается с войны Николай Ростов и торопит извозчика, узнавая родные кварталы, все ближе и ближе дом, он узнает каждый камень, и, наконец, дверную ручку дома. Выбегают из комнат поднятые его шагами родные и близкие, и последней, торопясь, спешит обнять его мать, радуясь и обижаясь, что вот все уже обнимают сына, а она, мать, последняя!

Каждый из нас, впервые прочтя эти строки, сам вернулся домой!

Сам, сбросив шинель на руки старому слуге, я бежал, перепрыгивая через ступеньки лестницы, и сердце опережало меня!

Я и сегодня еще не отдышался от этого бега!

Если бы Толстой не создал "Войну и мир", мы были бы иными, Россия была бы иной и, возможно, имела бы иную историю.

Только двум, Пушкину и Толстому, была свойственна природная религиозность морали.²⁷ Но они жаждали и искали Добра, а Гоголь, отчаянно карабкаясь, выбирался из Зла!

Он так и не выбрался! Смерть его, описанная потрясенными наблюдателями, была иным, — не смертью тела, предстоящей каждому, — его поглощала страшная пучина Зла!

Толстой был жесток. Он, задумывая роман, определил ряд убийств, их число и последовательность. Он убил маленькую княжну, чтобы освободить князя Андрея для Наташи Ростовской, потом убил князя Андрея, чтобы освободить Наташу для Пьера Безухова. Он подготовил и осуществил убийство Элен, для того чтобы наказать разврат и развязать руки Пьеру.

Он копался в крови и мучениях, чтобы выделить и оттенить зерно жизни. Мясник, он описал Аустерлиц, а потом Бородино, и убил массу людей, роясь в этих горах мяса, стоя по колено в крови, — и все это, чтобы подать поярче убогие рассуждения Платона Каратаева.

Это были спланированные убийства, он знал, что только так, идя через кровь и смерть, можно ощутить жизнь. И передать нам чувство живой жизни.

Потом убил Анну.

²⁷ Виктор Шкловский говорит о множественности нравственностей Толстого, но это ведь все равно что отсутствие всякой нравственности. (Прим. автора.)

Невозможно читать, как едет она к смерти, внимательно вглядываясь в случайных людей и незнакомые улицы. Будто сам едешь на казнь, и это тебе предстоит неизбежная встреча. Во все это время ярко горит свеча, освещая ей мир людей и высвечивая память, но только уродливое видится ей в случайных прохожих и попутчиках, и ничего отрадного, на чем могла бы она остановить взгляд, за что могла бы, судорожно ухватившись, задержаться на краю губительной пропасти...

Это сам Толстой заботливо расчищает ей путь к гибели, убирая с пути любые возможные помехи!

"Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что... Зачем этот кондуктор побежал по жердочке, зачем они кричат, эти молодые люди в том вагоне? Зачем они говорят, зачем они смеются? Всё неправда, всё ложь, всё обман, всё зло!"

Но уже было поздно.

"И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла".

Интересно, сам Толстой успел разглядеть, что там было? Всю жизнь свою он вглядывался в этот предстоящий мрак, он подсылал туда, к последней черте, своих героев, он убивал их, медленно, и вглядывался в их умирающие глаза, пытаясь увидеть, что там!

Кондуктор на жердочке перекочевал в набоковское "Приглашение на казнь".

Сергей Довлатов сказал, что самая большая трагедия его жизни — гибель Анны Карениной.

Мало кто так понимал дикое состояние русского народа и грозящие России беды, как Лев Толстой. Он хорошо знал, что сказками, которые сочинял для народа, здесь ничего не исправишь.

Умер вовремя.

"Фет, безусловно, есть самое выдающееся наше поэтическое явление, из числа второстепенных". Это сказал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, у которого и фамилия, и имя были как бы двойными, основательными, он же был вице-губернатор.

Был страшно вьедливый, и любимое мною творение Льва Николаевича обозвал романом из жизни мочеполовых органов.

О народе заметил: "Летел рой мужиков", — но направление полета не указал.

Лев Николаевич терпеть не мог Михаила Евграфовича.

Фет — это была девичья фамилия.

"Как снег вершин, / Как фунт конфет, / Исчезнул Фет / И стал Шеншин".²⁸

Фет тачал сапоги. Или это Лев Николаевич сапоги, а Фет, наоборот, чемоданы, не помню. Или даже, насчет чемоданов, это, возможно, Менделеев упражнялся, у которого дочка была за Блоком?

Странно — в основе русской фамилии Менделеев лежит еврейское имя Мендель.

Фет по национальности частично был из евреев. Как, кстати, и Блок.

Евреи любят совращать инородцев, особенно русских аристократов. Хлебом не корми...

Борода у Фета была исконно русская, отложная и раздвоенная на конце, тип полицмейстерской, в которой Фет был именно что старый еврей. Даже есть много старых евреев меньше на евреев похожих, чем Фет.

Можно понять, как не любил Фет евреев.

Как и Блок, кстати.

Достоевский был из русских литовцев.

Крепостных не имел, и поэтому бар ненавидел.

Наша показная зарубежная гордость.

Он вышел со стороны Зла и оставил за собой широко распахнутую дверь.

У него были коротковатые ноги и козлиные копытца, как верно подметил кто-то из мемуаристов.

Ценил, как никто в литературе русской, евреев. Еще больше Гоголя. Толстой поэтому с удовольствием насчет самого Достоевского заметил — "есть в нем что-то еврейское" (из этой фразы Толстого видно, насколько он не любил Достоевского). Сам Достоевский, чувствуя этот свой недостаток, старался вообще изжить евреев.

Потом вместе с бородой эта традиция перешла к Солженицыну.

Евреи в ответ любили и любят Достоевского. Основные достоевovedы — из евреев.²⁹

²⁸ Это Иван Тургенев, интересно, что рифму эту, фет-конфет, он стянул у Вагрича Бахчаняна. (Прим. автора.)

²⁹ Как и пушкиноведы, лермонтоведы, гоголеведы... Термин этот странный, характер его от кукловодов. Но первоначально специалисты по Пушкину назывались пушкинистами. Они полностью узурпировали Пушкина как собственность, и если бы он, внезапно явившись, выказал им несогласие с их взглядами, они бы с ним не согласились! (Прим. автора.)

Борода у Достоевского была вымученная, было в ней что-то искренне живое.

"Однажды Ф.М. Достоевский, царство ему небесное, поймал на улице кота. Ему надо было живого кота для романа. Бедное животное пищало, визжало, хрипело и закрывало глаза, потом притворилосьдохлым. Тут он его и отпустил. Обманщик укусил бедного в свою очередь писателя за ногу и скрылся. Так остался невоплощенным лучший роман Федора Михайловича, царство ему небесное. "Бедные животные". Про котов".³⁰

Если бы Достоевскому везло в карты, он не стал бы литератором. Когда он думал о потерянных в казино капиталах, он руками своих героев жег крупными купюрами деньги в камине. От злобы и зависти к тем, кто их несправедливо имеет, такие громадные деньги.

В героях у него был еще не народ, но чуть выше. Разночинцы. Униженные и оскорбленные. Достоевский копался в промежности между барами и народом. Это стало модным. Первым там копаться начал Тургенев.

Достоевский своих невымытых героев травил, топил и сбрасывал с моста.

Из таких героев чуть позже образовались деятели ВЧК, но большей частью сексоты. Не просто стукачи-любители, но убежденные в своем деле люди.

"Пушкин сидит у себя дома и думает: "Я гений — ладно. Гоголь тоже гений. Но ведь и Толстой гений, и Достоевский, царство ему небесное, гений! Когда же это кончится?"

Тут все и кончилось".³¹

Антон Павлович.

Бородка у него была характерная, "под пенсне", безотказно впечатляющая фригидных дам, его основных почитательниц.

Жутких дам без всяких собачек.

Лев Шестов отметил: "Все, к чему прикасался Чехов, увядало".

Самое безотрадное явление русской литературы.

Как если бы умный и чуткий человек пришел и принес драгоценный дар любви, уважения и достоинства, и оказался бы среди обитателей палаты "номер Шесть", которую мы застенчиво именуем родиной.

Он ходит и в удивлении озирается, не понимая и не постигая, куда попал и что мы с собою творим, и взгляд его, умный и доброжелательный взгляд, полон печали и сострадания, а губы тихо шепчут: "Боже мой, как грустна наша Россия!".

³⁰ Добрович-Майкова и В. Пятницкий. "Однажды Гоголь пришел к Пушкину", 1998 г.

³¹ Добрович-Майкова и В. Пятницкий. "Однажды Гоголь пришел к Пушкину", 1998 г.

Все наши палаты, перестроенные и перекрашенные неоднократно, чтобы было "как у людей", неизменно оказываются под Шестым номером, как будто им навсегда исчерпалась русская арифметика!

Чайка во фруктах.

"Вот в это самое время и явились: самый зловещий, какой только был от сотворения мира, Ворон и белая чайка, птица упадочная, непонятная, одинокая.

Ворон каркнул: "Never more" — и сгинул...

Зато чайка сделала совершенно головокружительную карьеру.

Девушки с надрывом, с поволокой в глазах, с неразгаданной тоской, девушки с орхидеями и с трагической улыбкой хрустели пальцами, скрещивали руки на худых коленях и говорили:

— Хочется сказки... Хочется ласки... Я — чайка.

Потом взяли и выдумали, что Комиссаржевская — чайка, и Гиппиус — чайка, и чуть ли не Максим Ковалевский — тоже чайка...

А по совести сказать, так более прожорливой, ненасытной и наглой птицы, чем эта самая белая чайка, и природа еще не создавала.

Однако поди ж ты... Лет семь-восемь спасения от чаек не было".³²

Какие там семь-восемь, это и нас достало в шестидесятых годах!

Интересно, когда девушки эти стареют, грузнеют и сильно полнеют, они по-прежнему остаются чайками?

Женился на чайке-Книппер.

Что за фамилия, создатель?! — а к ней еще Меерович-Данченко. Чехов их обоих и получил. Как у Довлатова с Анной, это оскорбление моего литературного чувства.

Марьянна говорила, что Чехов запустил Чайку, и ее сменил Буревестник. Кроме бури он нес нам на крыльях неизбежное народное счастье.

Получалось "Чайка-Буревестник". Это отдавало рыбим жиром, которым нас в детстве пользовали от простуды и всех остальных болезней сразу.

Пусть сильнее грянет Буря!

Куда уж сильнее!

О народе Чехов отозвался плохо. У нас в курсе этого не проходили, и Марьянна об этом не знала. Она Чехова подавала как предшественника Горького.

Потом Иван Бунин о народе отозвался еще хуже.

Об этом народе, чем меньше говорить, тем меньше брать греха на душу.

³² Дон Аминадо. О птицах.

Он опоздал, Бунин, уже все завершилось в русской классической литературе, все патроны встали в ее обойму и все спицы в ее колеса, — напрасно он суетился и подпрыгивал, показывая Нобелевскую медаль как право на вход, — наши классики вообще ничего не слышали о таких медалях!

Бунина мы не проходили, он был эмигрантом.

С Куприна начиная, евреи полезли делать русскую литературу. Он так и говорил — лезут и лезут, а гонорары падают. О Бунине поэтому тоже отзывался плохо.

Куприна проходили — он из эмиграции вернулся.

Горький.

С его именем что-то напутано.

Не забуду мать родную, век свободы не видать!

"Явился тут самый главный — с косым воротом и безумством храбрых.

Откашлялся и нижегородским баском грянул: "Над седой равниной моря... / Гордо реет буревестник, / Черной молнии подобный..." . Все так и ахнули.

И действительно, птица — первый сорт, и реет, и взмывает, и вообще дело делает".³³

В воздухе пахло грозой. Марьянна предвидела появление Горького.

— Большому кораблю, — кричала она...

Я автоматически сказал: — Большую торпеду!

Вызванный в школу отец велел мне держать язык за зубами.

Горький собирал нэцкэ. На Капри. Ему моряки привозили из Японии.

Это была лучшая в мире коллекция нэцкэ!

На Капри было удобно скорбеть о народе. Потому что большое видится на расстоянии.

С Нобелевской не светило, гонорары упали, и он поехал к большевикам.

Благословил соцреализм и бригадный подряд в советской литературе.

Еще живым его превратили в чучело, набив соломой и поместив в хрестоматии.

Тут народ проснулся, но опоздал к разбору, — в стране вместо бар оказались большевики. Это были крепкие ребята, и многие из них были выходцами из народа.

Свой народ они хорошо знали.

³³ Дон Аминадо. О птицах.

Шел снег.

Печка была раскалена.

Снег падал в имении "Званка", и Гавриил Романович Державин, подойдя в халате к окну, видел перед собою замерзший лед реки и первые по снегу крестьянские дровни.

Стоял у окна и напевал под колокольчик: "Трень-брень, теле-пень, на нос варежку надень".

Снег падал в Михайловском и заносил дороги России.

Снег падал на Прохоровской улице, куда выходили окна моей школы. Уже не видны были трамвайные рельсы. Прохожие шли, как рождественские елки...

Я держал в руках томик Родной речи, смотрел на улицу, уже не видны были облезлые стены домов с той стороны Прохоровской и дыры асфальта.

Этот снег согревал странным предчувствием мне сердце.

Был канун Субботы, и мужики шли с вениками в нашу баню на Комитетской. Это полтора квартала вверх до Дуренского переуллка и налево, по Банному переулку в самый его конец. В баню у нас ходили именно перед Субботой, в канун праздника.

Переулок был собственно Дурьяновский, от немца Дурьяна, вымостившего для города переулок брусчаткой, но мы это имя перевели на русский.

Мужики смеялись и перебрасывались словами, их речь была не слышна.

В стране царило безмолвие, снег заносил ее дороги.

Шумели и спорили голоса в моей Родной речи.

Шла молодость.

Строилась наша необыкновенная жизнь.

Мерцали рыжие глаза Василисы, доверчиво и требовательно она теребила меня лапкой, — в кошачьих глазах были насмешка и любовь всех предстоящих мне женщин, всех, ожидающих меня! Там были друзья — мои друзья, не знающие ничего обо мне, далекие от меня, в иных городах нашей громадной страны. И они, не знающие еще ничего, хранили в своих сердцах нашу предстоящую дружбу!

В кошачьих глазах была записана моя судьба, но я еще даже не начинал читать.

Женщины говорят по-женски.

Поэтому Судьба говорит только по-русски!

Чувство у меня странное, вот они все, российские литераторы, — они ведь из моей юности, когда впервые на литературы русской уроках читывала нам в самозабвении Пушкина стихи училка русской словесности, запрокидывала голову и руки заламывала, а сидел я на парте задней, где и просидел все десять незаметно потерянных лет, и думал о звонке, а под партою, под ногой моей легкокрылой, в нетерпении перекатывался баскетбольный мяч, — чтобы с первым звонком ринуться во двор, и рукой ощутить его упругую летучую тяжесть.

Но что-то запомнилось, что-то такое осталось в мальчишеской душе...

Музыка, легкая, как звенящий упругостью баскетбольный мяч...

"Подъезжая под Ижоры, / Я взглянул на небеса / И вспомнил ваши взоры, / Ваши синие глаза..."³⁴

Три шага с мячом, — три удара о землю, и — взлет!

Упругий пушкинский голос выводил меня на завершающий бросок мяча в корзину.

В аттестате зрелости в графе "Русская литература" у меня стоит четверка. Все остальное — пятерки. Пятерки там были потому, что так хотелось маме, — а я очень любил свою красавицу маму!

Эта четверка есть значимое событие в истории русской литературы!

Все еще только предстояло!

Наша прекрасная, наша достойная, наша незабвенная жизнь.

Потому что свобода нужна только слабым.

Потому что любимым Бог посылает испытания вровень их силам.

Когда-то Он положил свое бремя на плечи народа евреев. И теперь у Него на земле уже не было никого другого, не было таких же сильных и храбрых.

Родина наша — Русская Речь!

Наш материнский язык — русский, — Маме-лошн!

³⁴ Ах, Александр Сергеевич, да если бы только эти несколько строчек нам осталась от всего Вашего творчества, то и тогда — мы бы знали, откуда мы родом, где лежит эта родина счастья, Вами созданная для каждого из нас! И что в них — небо под цвет глаз и Ижоры, я даже плохо знаю, где эти Ижоры, — но после этого сочетания обиденных слов и мыслей эти Ижоры — мне Родина. Как он находил эти сочетания слов, простых и известных, но так давно потерявших друг друга и вот встретившихся, и стало понятным, что мы ничего не знаем о словах языка, в котором родились и выросли. Это и есть поэзия, единственный наш путь к самим себе! (Прим. автора.)